

АКТЕРЫ И РОЛИ

# Г И М Н Л И Т Е Р А Т У Р А И И С К У С С Т В О

## МАТЕРИНСКОМУ СЕРДЦУ

Риск велик—не наскучив читателю, перечислить все спектакли Башкирского академического театра драмы, в которых Зайтуна Бикбулатова творила образ матери. Да и полон ли будет он, этот список, даже если мы начнем его с горестной Кручинины, сыгранной юной Бикбулатовой в учебном спектакле техникума искусств в 1929 году? Но вглядимся лишь в те образы, которые оказались наиболее примечательными, как в собственной творческой биографии актрисы, так и в хронике башкирского театра.

Подвиг Марии Александровны Ульяновой, трагический разлом сознания Танкабики, прозрение Бетти Мертон, титаническая стойкость киргизки Толгонай, трагикомическое счастье Филумены, великая обида Анны Карениной... Как они несхожи, эти женщины, и как они едины в своем великом, незатухающем чувстве к детям—будь то народоволец Александр Ульянов или маленький Сережа Каренин, семнадцатилетний поэт Акъегет или потерянный Роберт Мертон. Суровые законы общества, страсти мира, более могучие, чем материнская любовь, увлекают в свой водоворот существо, выжормленное ее грудью. Бьет час, и сыновья уходят. Куда? По какой дороге? И что предпримет мать? Объявит ли она, немая от душевного гнева и ярости, войну всем и против всех? Упадёт ли в дорожную пыль, уже осевшую на следы ушедшего? Или же—ее неусушимая страсть, ее гордость зазвенят в чудной гармонии с гордыми песнями человечества, и расцветет над миром нерукотворное счастье Матери?..

В ответах на последние вопросы лежат ключи к пониманию многих и многих образов матерей, соз-

данных Зайтуной Бикбулатовой. Да и сама она идет нам навстречу: в лучших своих ролях актриса мысли, художник острого аналитического ума, чье искусство отличается высокой правдой, интеллектуальностью исполнительского мастерства, чуткостью к глубинным процессам жизни, подводит зрителя к своим раздумьям. Убежденный реалист, стремящийся прежде всего создать пластически законченный образ, она ничуть не чурается прямоты. Более того, искусству Бикбулатовой, как и некоторых других деятелей башкирского театра старшего поколения, свойственно откровенное выражение своего отношения к живописуемому образу. И ее матери, рассказывая о себе, судят и спрашивают: достаточно ли благожелателен этот беспокойный мир, чтоб она, мать, без опаски и тоски, а с радостью и надеждой отпустила в него своего ребенка, которому в нехитрых колыбельных песнях обещала все блага?

И мать всматривается в даль расстояний и времен, пытается предугадать, надеясь прочесть, как сивиллы по звездам, что уготовано ее сыновьям в этом лучшем из миров.

«Не мы, Шафик-килен, даруем судьбы людям».

Этими словами Мустай Карим выводит нас за частокол духовного мира Танкабики—главной героини трагедии «В ночь лунного затмения». Однако это лишь дальний гром перед бурей, далекий сполох перед неминуемой грозой, которую обещают нам драматург и Зайтуна Бикбулатова. А пока...Танкабика погружена в заботы, которыми пытается одолеть ее жизнь. В мире, где правит мужчина, она, обремененная женскими хлопотами, должна еще вершить и мужские дела: «Я—раба закона,

всевышнего, молвы и табунов».

Но закон племени справедлив, пока он не коснулся тебя, Танкабика!—предупреждает актриса свою суровую героиню. Приглядись, подумай, соответствуют ли его требования законам сердца, человечности? Та не слышит. И как далека она от мысли, что можно восстать и разорвать цепи нравственного окостенения, духовного рабства и интеллектуального прозябания. Зайтуна Бикбулатова делает все, чтобы философия произведения глубоко тронула за живое каждого. Она предупреждает и заклинает—не повторять безысходного пути ее Танкабики, с которой она разделила ее скорбь, но которую осудила бесповоротно.

Удивительное совпадение: именно в этот период, когда публика познакомилась с Танкабикой, Бикбулатова играла в двух-трех пьесах, образы которых где-то смыкались с разломанным миром суровой души древней башкирки. Прежде всего это—Беттина Мертон и Берта Линг.

Сопоставления, конечно же, возможны только в самом широком публицистическом плане. Казалось бы, что может быть общего между боем в женском сикмэне из башкирской старины, немкой 30—40 годов и современной американкой? Но сходство, оказывается, есть. Оно выявляется, когда мы начинаем сравнивать отношения этих матерей к миру, куда они отпустили своих сыновей. Танкабика воплощала трагедию женщины, вдруг обнаружившей несправедливость всего, чему верила, что считала незыблемой основой человеческих связей. Когда она увидела, что эти связи не нити долга и любви, а заурядные, беспощадно обыкновен-

ные цепи рабства,—она гибнет как сила, способная составлять духовный центр того общества. Берта Линг из спектакля «Ночная весть» по роману Альберта Мальца «Крест и стрела» и Беттина Мертон из драмы Дж. Г. Лоусона «Чудеса в гостинной» это в какой-то степени первый и последний акт трагедии Танкабики с поправками на время, среду и социальную психологию.

На фоне этих ушербных судеб, Толгонай Зайтуны Бикбулатовой зазвенела как солнечный луч после ненастья. Гордая песня удивительно чистой и прекрасной жизни киргизской крестьянки, воссозданная башкирской актрисой, воспринималась как программа теми, кто достаточно внимательно следил за творчеством Бикбулатовой в последние восемь-десять лет. При всей определенности новая роль актрисы несла в себе богатые импрессионистские оттенки сложного характера. Но отчетлив был полет мечты, ясно звучала вера в победную и негнбимую силу человеческой праведной воли. И как бы ни была велика сила обобщения, в образ Толгонай Бикбулатова вложила очень много личного: свои горькие воспоминания, свои радости, свои надежды. Подчас зрителю казалось—это о себе рассказывает женщина, пережившая в жизни не меньше Толгонай.

Но самым большим откровением, составившим существо образа, созданного Зайтуной Бикбулатовой, была мысль об ответственности. Толгонай в ее интерпретации громко, но не переходя на крик, и тем более весомо, говорила об ответственности живых перед живыми. Она выражает волю всех матерей земли, гневно протестующих против насилия и смерти и глубоко верящих в торжество мира... Это содержание роли и позволяет нам вернуться на несколько

лет назад и вновь увидеть Зайтуна Бикбулатову в образе Марии Александровны Ульяновой—женщины, знавшей, что такое ответственность матери перед жизнью и сыновьями.

В известной пьесе И. Попова «Семья», поставленной в академическом театре в начале пятидесятых годов, нет пластически броских образов. Более того, определенная иллюстративность мешает одухотворенному движению художественной мысли. Но центральные сцены, особенно те, что связаны с подвигом Александра Ульянова, позволяют без оговорок говорить о вдохновленном и глубоком осмыслении страниц жизни Марии Александровны Ульяновой—жизни, к которой на всех этапах своего развития с неослабевающим вниманием обращалось советское искусство. Искусство высокого реализма, искусство благородной мысли искало в ее характере черты женщины, к которой может быть обращен эпитет—гениальная мать. Оно добиралось до истоков подвига; совершенного Ульяновыми; про-

никалось духом решительного протеста против всякого прозябания—протеста, составившего отличительную и одну из главных черт этой удивительной семьи; наконец, стремилось познать и рассказать о среде, в которой воспитывался характер и ум великого вождя.

Пьеса не могла ответить на все вопросы. Она и не ставила себе такой непосильной задачи. И. Попов рассказал о безграничной самоотверженности матери... В Башкирском театре о том же самом поведала Зайтуна Бикбулатова.

Пожалуй, даже рискуя услышать упреки, Зайтуна Бикбулатова, при всех поправках текста драмы на время, на иную социальную эпоху, творила советский характер. Актриса не выражала отношения нашей соотечественницы и современницы к создаваемому образу, как, например, в трагедии «В ночь лунного затмения» или драме «Чудеса в гостинной». Мария Александровна Ульянова Зайтуны Бикбулатовой сама была нашей современницей. Ведь главное в художественной концепции роли—это

мысль о необходимости изменить и перестроить мир. Ульянова башкирской актрисы полна величия и трагизма, потому что исполнительница подводила зрителя к решающему узлу в мироощущении героини, когда сталкиваются любовь и долг, святое чувство материнской привязанности к детям и не менее великое чувство ответственности перед людьми, когда это непримиримое, невозможное для заурядного сознания противоречие разрешается в высшую правду—в единство героического деяния.

...Зайтуна Бикбулатовой выпало большое счастье сделать общим нашим достоянием радость и горе матери. На разных этапах ее творческого пути актриса открывала новые грани своего громадного дарования, добивалась новых выразительных качеств мастерства. Различные цели занимали ее в искусстве. Но когда перед ней вставала цель поведать людям об образе матери, она отдавала этой роли все свои душевные силы, талант и умение.

С. САИТОВ.